

Михаил ШОЛОХОВ: «С ЛЮБОВЬЮ, ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬЮ И ВОСХИЩЕНИЕМ»

НИКОЛАЙ Островский был «неистовым читателем». Его читательский формуляр так разбухал от вклеиваемых дополнительных листов, что, нарушая библиотечные правила, ему записывали только общее количество выданных книг. Михаил Шолохов был среди тех писателей, кто в первую очередь интересовал Н. Островского.

В беседе с А. Фадеевым и Ю. Либединским Николай Островский высказывал свои суждения о «Тихом Доне», «об исторических, композиционных и психологических особенностях этого грандиозного романа». Ю. Либединский в статье «Голос самой дружбы» вспоминал: «Разговор идет о «Тихом Доне». Удивительно смело и в то же время очень бережно описывает Островский ткань романа. Я ни разу в нашей среде не слышал такого соединения смелости и бережливости суждений в отношении произведения товарища. Так можно судить только о своей вещи и то не вслух...»

Островский интересовался зарубежными изданиями «Тихого Дона» и «Поднятой целины», статьями Шолохова.

Еще в апреле 1934 года, откликаясь на выступления М. Горького по вопросам языка художественной литературы, Н. Островский в статье «За чистоту языка» повторил мысль, высказанную ранее М. Шолоховым, согласился с ним, что только «при совместной работе писателей и критиков мы достигнем желанных результатов, очистим язык художественных произведений от всей накипи, снижающей ценность и качество труда работников литературы».

За творческой судьбой своего товарища по перу следил и М. Шолохов.

Летом 1936 года между Шолоховым и Островским завязалась дружеская переписка. Это было время, когда один из них напряженно работал над четвертой книгой «Тихого Дона», а другой отдавал последние силы роману «Рожденные бурей». Письма Островского опубликованы в собрании его сочинений, а шолоховские послания хранятся ныне в музее Н. А. Островского в Москве.

В ноябре 1935 года из Сочи, где жил Н. Островский, писатель отправил в Вешенскую в подарок М. Шолохову роман «Как закалялась сталь» и написал ему:

«Товарищу Мише Шолохову, моему любимому писателю.

Крепко жму Ваши руки и желаю большой удачи в работе над четвертой книгой «Тихого Дона».

Искренне хочу победы. Пусть вырастут и завладеют нашими сердцами казаки-большевики. Развенчайте, лишите романтики тех своих героев, кто залил кровью рабочих степи тихого Дона.

С коммунистическим приветом!

Н. Островский.

В июле 1936 года из Вешенской от Шолохова пришел ответ:

«Дорогой Николай Островский!

Книгу получил. Спасибо. Прости за долгое молчание. Я думал побывать в Сочи, уви-

деть тебя, поговорить, но так и не пришлось.

Пользуюсь «оказией», — посылаю 1-ю книгу «Тихого Дона». Как только выйдет из печати последняя — тотчас пришлю.

Прими мой горячий дружеский привет. Крепко жму руку. Желаю тебе бодрости, здоровья, успеха в работе...»

«Оказией» была ездившая в то время в Сочи сестра жены писателя — Лидия Петровна.

Островский благодарил писателя за подарок. 14 августа 1936 года из Вешенской в Сочи пошло теплое, полное юмора ответное письмо Шолохова. Он писал:

«Спасибо за письмо; за доброе отношение ко мне. В Сочи непременно приеду, как только разделается с окаянной книгой. Сейчас, не глядя на жару, начал работать. Сижу, обливаясь горьким потом и с вождением поглядываю на Дон. По совести говоря, — работать в такую дикуню погоду нет ни малейшего желания, хотел улизнуть куда-нибудь на простор, но... побаиваюсь, как бы жена не стала привязывать за ногу к письменному столу. История литературы знает такие примеры гнусной эксплуатации нашего брата.

Сволочьница Лидия со свойственным легкомыслием целыми днями трещит о тебе, рассказывает без конца и края. Приходит и вместо «здравствуй!» начинает: «А вот Николай Алексеевич и т. д. и пошла, как из Максима, поливать, да длинными очередями, да часа на два. Ужас, что творится в нашем тихом доме! Должен вам сказать, тов. бригадный комиссар, что вы и лежа на постели разите беззащитных девушек, неудобно это, и я не я буду, если не шепну вашей жене при встрече кое-что!

Крепко обнимаю тебя, дорогой Николай, и желаю всего доброго. До скорого, надеюсь, свидания.

Мой сердечный привет твоей маме и всем твоим близким...»

21 августа 1936 года Островский сообщил телеграммой Шолохову о завершении первой книги романа «Рожденные бурей»: «Ваши дружеские письма получил. Сегодня кончил свою окаянную. Отдохну маленько, напишу. До скорого свидания.

Привет товарищам Лиде, Марию.

Твой Николай».

И через неделю Н. Островский написал М. Шолохову письмо. Оно также искрилось юмором, хотя между строк и проглядывала тихая грусть очень большого человека. Островский писал:

«Дорогой товарищ Миша!

Первое, что я хочу спросить у тебя, это когда ты приедешь со своим коллективом к нам в Сочи? Ведь лето уходит! Приветливая осень уже нахально ворвалась к нам, и сразу стало холодно и сыро. Конечно, эта старая дева уберется на месяц-два к себе обратно, но ты не жди, когда это время настанет, а приезжай как можно скорее. Помни, Миша, что я ненадежный насчет многолетней жизни парень. И если ты хочешь пожать мне руку, то приезжай, не откладывая на будущий год.

Конечно, я человек упрямый, как истинный «хохол», и бу-

ду держаться до последнего, но все же ты на меня не надейся очень. По честности предупреждаю, чтобы не сказал: «Вот Николай — взял да и подвел!»

На предисловии точка. Теперь давай поговорим семейному. Насчет «беззащитных девушек» ты это весьма несправедливо. Поскольку мне известно из «достоверных источников», эта твоя «беззащитная девушка» отчаянно царапается, и одному здоровенному дяде от нее не поздоровилось. Как видишь, о беззащитности нельзя говорить. Сам знаешь, казачки — народ опасный и далеко беспокойный.

Тебе ли, знающему их сердца, говорить о беззащитности? Тут дай бог самому унести ноги.

Я хочу прислать тебе рукопись первого тома «Рожденных бурей», но только с одним условием, чтобы ты прочел и сказал то, что думаешь о сем сочинении. Только по честности, если не нравится, так и крой: «Кисель, дескать, не сладкий и не горький». Одним словом, как говорили в 20-м году — «мура».

Знаешь, Миша, ищу честно товарища, который бы покрыл прямо в лицо. Наша братия, писатели, разучились говорить по душам, а друзья боятся «обидеть». И это нехорошо. Хвалить — это только портить человека. Даже крепкую натуру можно сбить с пути истинного, захваливая до бесчувствия. Настоящие друзья должны говорить правду, как бы ни была остра, и писать надо больше о недостатках, чем о хорошем, за хорошее народ ругать не будет.

Вот, Миша, ты и возьми рукопись в переплет.

Помни, Миша, что я штатный кочегар и насчет заправки котлов был неплохой мастер. Ну, а литератор из меня «хуже». Сие ремесло требует большого таланта. А «чего с горы не дано, того и в аптеке не купишь», — говорит старая чешская поговорка.

Так-то, медвежонок наш вешенский!

Теперь посоветуй мне, как вытащить тебя из Вешек? Без помощи товарищей Марии и Лиды, я вижу, тебя не сдвинешь с места. 20 октября я уезжаю в Москву на всю зиму.

Трахни старинной, Мишенька, и прикатывай! А если не приедешь, то напиши прямо.

Крепко жму твою лапу.

Привет товарищам Марии и Лиде, а доченьку нежно обнимаю.

Твой Н. Островский.

Обоим писателям хотелось поглядеться, поговорить «по душам». Но встретиться в Сочи не удалось. В самом начале октября 1936 года Шолохов написал:

«Дорогой Островский!

Спасибо за дружеское внимание, за письмо. С негодованием отмечаю, как говорится, разговоры о твоей недолговечности и всем сердцем желаю тебе жить до старости, не старея. В Сочи, пожалуй, не приеду. А вот в Москве увидимся все непременно!

В конце этого месяца я тоже махну туда на неделю-другую и тогда и поглядимся, и поговорим, и «Рожденные бурей» там же прочту. А сейчас не могу приехать. За этот месяц надо поработать до горького пота. Если не закончу «Тихий Дон» — брехуном про-

слю на весь белый свет, а перспектива эта мне не улыбается.

Ездил в Москву, слезно просил освободить меня от поездки на антивоенный конгресс... И вот я снова за столом, допоздна «перекрываю нормы», а наутро прочитаю и за голову хватаюсь... Сии писательские чувства тебе самому известны и расписывать их нечего.

Наши все тебе и твоим близким кланяются, а я обнимаю тебя и крепко жму руку.

Твой М. Шолохов».

Островский тотчас дал из Сочи в Вешенскую телеграмму: «Дорогой Михаил. Когда тебя ждать в Москве? Привет всем. Твой Николай Островский».

В Москву М. Шолохов приехал в конце 1936 года. Тогда же и состоялась единственная, как видно, встреча писателей на квартире Н. А. Островского. Его секретарь вспоминает: «Особенно хочется выделить встречи Николая Алексеевича с писателями. Прежде всего посещения А. Серафимовича, М. Шолохова, А. Фадеева... Мнения его (Серафимовича), Фадеева Шолохова о романе «Рожденные бурей» Островский ждал и ценил».

В пору активной переписки писателей Н. Островский, внимательно следивший за событиями в Испании, внес в октябре 1936 года в фонд помощи женщинам и детям сражающейся с фашизмом республики 1000 рублей и призвал через ростовскую газету «Молот» «товарищей писателей Дона и всего Азово-Черноморья поступить так же».

Первым откликнулся М. Шолохов. На другой день «Молот» сообщил, что Шолохов внес в этот фонд тоже тысячу рублей. Призыв Н. Островского поддержали и другие писатели, деятели науки и культуры Дона и Северного Кавказа.

Смерть Николая Островского Шолохов воспринял как большую утрату для литературы. В газете «Молот» 24 декабря 1936 года он писал:

«Из рядов советской литературы смерть вырвала самого мужественного, самого стойкого и честного писателя-бойца. Даже поверженный болезнью, безмерно страдающий, он до последнего вздоха сражался оружием писателя-коммуниста за великие идеи своей партии... Мы горды за страну, за партию, за Ленинский комсомол, воспитавших такого замечательного человека. О нем и о мертвом будут вспоминать с любовью, признательностью и восхищением».

Велика тяжесть понесенной нами утраты.

В декабрьском номере журнала «Молодая гвардия» за 1936 год в некрологе «Памяти друга» А. Толстой, М. Шолохов, А. Караваева, Е. Ярославский и другие отметили, что «книги Островского стали своеобразными учебниками жизни, — и в этом заключается высшая похвала, какую только может заслужить советский писатель».

И ныне мы видим воочию, как осуществилось то, о чем еще в 1936 году прекрасно сказал М. А. Шолохов: «На примере Островского миллионы людей будут учиться, как надо жить, бороться, побеждать, как надо любить свою Родину».